Михайла Скопин

Как бы во сто двадцать седьмом году,
В седьмом году восьмой тысячи
А и деялось-учинилося,
Кругом сильна царства московского
Литва облегла со все четыре стороны,
А и с нею сила сорочина долгополая
И те черкасы петигорские,
Еще ли калмыки с татарами,
Со татарами, со башкирцами,
Еще чукши с олюторами;
Как были припасы многие:
А и царские и княженецкие,
Боярские и дворянские —
А нельзя ни протти, ни проехати
Ни конному, ни пешему
И ни соколом вон вылетити
А из сильна царства Московскова
И великова государства Росси(й)скова.
А Скопин-князь Михайла Васильевич,
Он правитель царству Московскому,
Обережатель миру крещеному
И всей нашей земли светорусския,
Что есён сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал,
Выезжал воевода московской князь,
Скопин-князь Михайла Васильевич,
Он поход чинил ко Нову-городу.
Как и будет Скопин во Нове-граде,
Приезжал он, Скопин, на съезжей двор,
Походил во избу во съезжую,
Садился Скопин на ременчет стул,
А и берет чернилицу золотую,
Как бы в не(й) перо лебединое,
И берет он бумагу белую,
Писал ерлыки скоропищеты

Во Свицкую землю, Саксонскую
 Ко любимому брату названому,
Ко с[в]ицкому королю Карлосу.
А от мудрости слово поставлено:
«А и гой еси, мой названой брат.
А ты свицкий король Карлус!
А и смилуйся-смилосердися,
Смилосердися, покажи милость:
А и дай мне силы на подмочь,
Наше сильно царство Московское
Литва облегла со все четыре стороны,
Приступила сорочина долгополая,
А и те черкасы петигорския,
А и те калмыки со башкирцами,
А и те чукши с олюторами,
И не можем мы с ними управиться.
Я зокладоваю три города русския».
А с ерлыками послал скорого почтаря,
Своего любимова шурина,
А таво Митрофана Фунтосова.
Как и будет почтарь в Полувецкой орде
У честна короля, честнова Карлуса,
Он въезжает прямо на королевской двор,
А ко свицкому королю Карлусу,
Середи двора королевскова
Скочил почтарь со добра коня,
Везал коня к дубову столбу,
Сумы похватил, сам во полаты идет.
Не за че́м почтарь не замешкался,
Приходит во полат(у) белокаменну,
Росковыривал сумы, вынимал ерлыки,
Он кладет королю на круглой стол.
Принимавши, король роспечатовает,
Роспечатал, сам просматривает,
И печальное слово повыговорил:
«От мудрости слово поставлено —
От любимова брата названова,
Скопина-князя Михайла Васильевича:
Как просит силы на подмочь,

Закладывает три города русския».
А честны король, честны Карлусы
Показал ему милость великую,
Отправляет силы со трех земель:
А и первыя силы — то свицкия,
А другия силы — саксонския,
А и третия силы — школьския,
Тово ратнова люду ученова
А не много не мало — сорок тысячей.
Прибыла сила во Нов-город,
Из Нова-города в каменну Москву.
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина-князя думушки прибыло.
А поутру рано-ранешонько
В соборе Скопин он заутреню отслужил,
Отслужил, сам в поход пошел,
Подымавши знаменье царские:
А на знаменье было написано
Чуден Спас со Пречистою,
На другой стороне было написано
Михайло и Гаврило архангелы,
Еще вся тута сила небесная.
В восточную сторону походом пошли —
Оне вырубили чудь белоглазую
И ту сорочину долгополую;
В полуденную сторону походом пошли —
Прекротили черкас петигорскиех,
А немного дралися, скоро сами сдались —
Еще ноне тут Малорос(с)ия;
А на северну сторону походом пошли —
Прирубили калмык со башкирцами;
А на западну сторону и в ночь пошли —
Прирубили чукши с олюторами.
А кому будет божья помочь —
Скопину-князю Михайлу Васильевичу:
Он очистел царство Московское
И велико государство росси(й)ское.
На великих тех на радостях
Служили обедни с молебнами

И кругом города ходили в каменной Москвы.
Отслуживши обедни с молебнами
И всю литоргию великую,
На великих (н)а радостях пир пошел,
А пир пошел и великой стол
И Скопина-князя Михайла Васильевича,
Про весь православной мир.
И велику славу до веку поют
Скопину-князю Михайлу Васильевичу.
Как бы малое время замешкавши,
А во той же славной каменной Москвы
У тово ли было князя Воротынскова
Крестили младова кнезевича,
А Скопин-князь Михайла кумом был,
А кума была дочи Малютина,
Тово Малюты Скурлатова.
У тово-та князя Воротынскова
Как будет и почестной стол,
Тута было много князей и бояр и званых гостей.
Будет пир во полупире,
Кнеженецкой стол во полустоле,
Как пья́ниньки тут расхвастались:
Сильны хвастает силою,
Богатой хвастает богатеством,
Скопин-князь Михайла Васильевич
А и не пил он зелена вина,
Только одно пиво пил и сладкой мед,
Не с большева хмелю он похвастается:
«А вы, глупой народ, неразумныя!
А все вы похваляетесь безделицей,
Я, Скопин Михайла Васильевич,
Могу, князь, похвалитися,
Что очистел царство Московское
И велико государство Рос(с)и(й)ское,
Еще ли мне славу поют до́ веку
От старова до малова,
А от малова до веку моего».
А и тут боярам за беду стало,
В тот час оне дело сделали:

Поддернули зелья лютова,
Подсыпали в стокан, в меды сладкия,
Подавали куме ево крестовыя,
Малютиной дочи Скурлатовой.
Она знавши, кума ево крестовая,
Подносила стокан меду сладкова
 Скопину-князю Михайлу Васильевичу.
Примает Скопин, не отпирается,
Он выпил стокан меду сладкова,
А сам говорил таково слово,
Услышел во утробе неловко добре;
«А и ты съела меня, кума крестовая,
Молютина дочи Скурлатова!
А зазнаючи мне со зельем стокан подала,
Съела ты мене, змея подколодная!».
Голова с плеч покатилася,
Он и тут, Скопин, скоро со пиру пошел,
Он садился, Скопин, на добра коня,
Побежал к родимой матушке.
А только успел с нею проститися,
А матушка ему пенять стала:
«Гой еси, мое чадо милая,
Скопин-князь Михайла Васильевич!
Я тебе приказовала,
Не велела ездить ко князю Воротынскому,
А и ты мене не послушался.
Лишила тебе свету белова
Кума твоя крестовая,
Малютина дочи Скурлатова!».
Он к вечеру, Скопин, и преставился.
То старина то и деянье
 Как бы синему морю на утишенье,
А быстрым рекам слава до моря,
Как бы добрым людям на послу́шанье,
Молодым молодцам на перени́манье,
Еще нам, веселым молодцам, на поте́шенье,
Сидючи в беседе смиренныя,
Испиваючи мед, зелена вина;
Где-ка пива пьем, тут и честь воздаем

Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.: Наука, 1977.